

ему не хватает энергии Большого Взрыва. Расширение вселенной объясняет вакуумную энергию. Тогда что такое вакуумная энергия? Вакуумная энергия и другие частицы являются реальными, течение жизни, проходящее через весь космос, все вещи (я проиллюстрировал небытие как реальность «Философия небытия и любви»). Поскольку реальность невозможно описать словами, ее называют небытием, небытие как реальность. Квантовая теория и современная космология столкнулись с небытием, которое превосходит границы слов, математики и физики. Теория относительности постигла и выразила небытие как недостаток субсистенции, так как она настояла на использовании математических выражений о движущемся мире. В заключение, теорию относительности и квантовую теорию объединяет отрицание неограниченности; и Эйнштейн и Бор

постигли небытие как недостаток субсистенции (субстанции). Теория относительности настояла на выражении вселенной через математические термины, с другой стороны, квантовая теория, считаясь с математикой, не всегда ограничивается математикой. На мой взгляд, обе теории выражают принцип небытия (небытие продолжается до бесконечности, бесконечность до вечности, вечность до метафизического бытия) и затем продолжают отделять свои теории по моему принципу. После разделения они развивают свои теории независимо. Теория относительности и квантовая теория только части моей философии. Строго говоря, моя философия, принцип небытия и любви, является происхождением теории относительности и квантовой теории, и уже повлияла на синтез обеих теорий.

С. В. Мошкин

НЕПРОЯСНЕННОЕ ПРОШЛОЕ

**Мошкин
Сергей Вячеславович**

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института философии и права
УрОРАН

О событиях в Петрограде осенью 1917 года мы знаем, кажется, всё. Чего тут еще добавить? — тысячи книг и статей, сотни диссертаций и художественных фильмов, а еще памятники, картины, поэмы, песни и даже балетные постановки... Но всё это ничуть не проясняет сути случившегося. Октябрь 17-го по-прежнему остается самой затуманенной темой нашей исторической памяти. Отсюда и крайние оценки событий тех лет. Для одних — это поистине «великая социалистическая революция», для других — «переворот» экстремистов-маргиналов или даже «жидомасонов». Согласия нет ни у политиков, ни у ученых. Что уж говорить про обывателей. Для большинства из них представление о революции — это набор художественных образов (крейсер «Аврора», штурм Зимнего, Керенский в женском платье), не имеющих никакого отношения к реальным событиям тех дней, а порой и просто пропагандистски лживых.

В последние годы идет буквально лавина публикаций с сокрушительной критикой Октябрьской революции как своего рода исчадия ада, как причины причин всех наших бед. По этим публикациям выходит, что революция сбила Россию с ее «естественного» пути, не дала возможности воспользоваться плодами экономического роста, начавшегося на рубеже XIX и XX веков. При этом дореволюционная Россия идеализируется, изображается в лубочных тонах как страна богатая, благополучная, населенная трудолюбивыми, добропорядочными людьми, между которыми царили лад и согласие, страна, говоря словами Александра Галича, «где рождаются счастливыми и отходят в смирение». Революция становится, таким образом, не следствием глубинных противоречий, а банальным государственным переворотом, свершенным к тому

же горсткой чужаков и маргиналов, которые явились, чтобы реализовать в России иностранную марксистскую утопию, глубоко чуждую русскому народу. Большевизм представляется феноменом маргинальным и к тому же глубоко чуждым русской истории. На такой трактовке Октября особенно усердно настаивают русские националисты, для которых слова «чужой» и «иностранный» всего лишь эвфемизмы слова «еврейский».

Радикальная критика революции, выдаваемая к тому же за восстановление исторической правды, еще дальше, чем классическая марксистско-ленинская интерпретация, уведит от постижения сущности этого события. В самом деле, если революция — верхушечный переворот, совершенный чужаками-фанатиками для воплощения заветов Маркса на не приспособленной для них русской почве, значит, у нее не может быть и собственного глубинного социального содержания. Революция превращается, таким образом, в своего рода, природное, стихийное бедствие, в «катастрофу». Она переходит в категорию явлений, независимых от воли и сознания людей, а, следовательно, люди и не несут за нее никакой ответственности. В итоге интерпретированной таким образом революции получается до полной неузнаваемости искаженное изображение интересующего нас сюжета. С одной стороны — всемогущая, на все способная власть, овладевшая гигантской стихией с названием «Россия», с другой — безгласное, терпеливое, немощное население этой страны. Народ — жертва власти. Власть — чуждый народу изверг. С таким уровнем, с такой «глубиной» постижения прошедшего можно лишь повторять старые глупости и делать новые.

Логика радикальной критики революции в том, чтобы превратить весь советский период вместе с его олицетворением — сталинизмом — в своеобразный исторический шлак, в ничто. Если этот период — результат заговора кучки чуждых русской истории маргиналов, если вся советская история — не что иное, как воплощение не свойственной русской почве марксистской теории, его вполне можно считать в целом досадным завихрением, своего рода продолжительным историческим вывихом, а не собственно историей, а значит, он и не стоит того, чтобы его, как особый период, вписать, на равных с другими, в «правильную» русскую историю.

Так вполне логично из совпадения и соединения, с одной

стороны, политических охранительных интересов властей и, с другой стороны, интересов психологически выбитого из колеи и ищущего хоть какую-то жизненную опору населения наше прошлое в очередной раз «вычищается». Во всем историческом периоде после 1917 года в качестве двух достойных внимания вершин оставляют Победу в ВОВ — для легитимации нынешнего режима — и Октябрьскую революцию — для демонстрации случайности былого «реального социализма» и для социального «обнуления» всего советского периода, чтобы вообще «вычеркнуть» его за ненадобностью из «правильной» русской истории. Обе эти вершины в ходе соответствующих интерпретаций приобретают, казалось бы, совсем не свойственное истории функциональное назначение: не понять, а, наоборот, скрыть сталинистскую сущность нынешнего режима. Или, что одно и то же, если вдуматься, — утвердить в массовом сознании мысль, что коррупция, организованная преступность, беззаконие и безнравственность — всего лишь досадные временные отклонения, а не сущность нынешних власти и социума как преемственного продолжения сталинизма.

Прежде всего, чтобы понять глубинный смысл 1917 года, надо в полной мере представить себе степень разрушения самих оснований еще совсем хрупкого к тому времени общественного устройства России. В конце XIX — начале XX века российское общество только начинало структурироваться, то есть формироваться именно как современное общество. В таком состоянии социальной, национальной, экономической нестабильности и недостаточности это весьма хрупкое общественное устройство подверглось испытаниям сначала японской войны и первой революции, а затем практически без передышки — еще более тотальным и суровым хозяйственным, финансовым, продовольственным испытаниям Первой мировой войны. Если при этом учесть, что война сопровождалась мобилизацией почти шестнадцатимиллионной армии, почти полным расстройством железнодорожного транспорта, финансов, опустением крупных городов, остановкой предприятий, потерей огромных территорий; если учесть, что все эти колоссальные процессы развивались по нарастающей примерно до 1922 года, а 1921 год к тому же — это еще и вызванный двумя неурожайными годами подряд, да к тому же организованный на всю страну голод, унесший шесть миллионов человек, то можно представить, в какую перспективу в целом вписывается 1917 год. При всем при этом надо иметь в виду, что уже с лета 1918 года начинается Гражданская война, а параллельно с ней с того же момента Россию накрывает и еще одна война, не растворяющаяся в Гражданской и не вливающаяся в нее целиком и полностью, — крестьянская война против советской власти.

Даже простой перечень всех этих драматических и трагических событий, грандиозных явлений и процессов дает ошеломляющее представление о происходившем. Но надо еще вообразить, как именно все эти явления и процессы отразились на конкретных судьбах людей, как они преломились в их жизненной повседневности. Разрушительная лавина смела почти все едва проклюнувшиеся начала современной культуры. Жизнь стремительно продвигалась к примитивизации во всех ее формах. Для большинства людей оставались реальными, по существу, лишь самые элементарные формы жизнедеятельности, которые способствовали их физическому выживанию. Будучи преимущественно страной деревенской культуры, Россия

на глазах у современников окрестьянивалась еще в большей степени. Архаизация жизни стала повсеместной. Она захлестнула не только быт, способы пропитания, но и все вообще отношения между людьми. Примитивизация всей жизни способствовала пробуждению в людях животных инстинктов, они стали еще в большей степени агрессивными, нетерпимыми, жестокими.

По существу, если иметь в виду весь массив социальности, Россия откатилась куда-то на уровень родоплеменной культуры, подвергшейся к тому же экстремальным испытаниям. Повторять при этом вслед за марксистско-ленинской историографией, что суть социальности определялась тем, что революция экспроприировала помещиков и капиталистов и передала все экспроприированное в руки народа? То есть утверждать, что у эксплуататоров она якобы забрала собственность, активы, финансы и все передала тем, кому это все должно принадлежать по праву и по достоинству? Твердить что-то похожее означало бы просто-напросто выйти из темы, переместиться из рассмотрения определенной исторической реальности в какую-то иную, созданную воспаленным рассудком утопию. Даже реальные факты, которые действительно имели место и которые потом были наречены национализацией, конфискацией, экспроприацией, вписываются в совершенно иное состояние социальности, ничего общего или хотя бы отдаленно схожего с приведенной выдуманной формулой не имеющее.

Но все-таки не менее и даже, скорее всего, более важно для понимания самих себя сегодняшних попытаться ответить на вопрос: а чем же он все-таки был, чем стал и остается ли чем-нибудь этот 1917-й для ныне живущих?

Очевидно, что он не просто остается «чем-нибудь», но и продолжает определять самую что ни на есть нашу коллективную самость. Поскольку, как представляется, 1917 год, как и Победа в ВОВ, относятся к тому типу прошлого, которое в прошлое уходить не хочет. Прошлое, которое не хочет уходить, — это прошлое, еще не преодоленное. Оно еще не стало отчужденным для людей, продолжающих им жить, не превратилось для них в объект отвлеченного обозрения. О таком прошлом не рассуждают отстраненно, исключительно из любознательности, как, например, можно рассуждать о Жанне д'Арк или крестоносцах. Таким прошлым продолжают жить. Не только жить буквально, можно сказать физически, будучи вовлеченными в продолжающиеся из него социальные, экономические, бытовые процессы. Таким прошлым продолжают жить и интеллектуально тоже, психологически, если угодно, духовно. Продолжают жить, не переставая думать, пытаюсь понять и не находя ответов на одни и те же терзающие людей вопросы. А если такое, не преодоленное еще прошлое пытаются подчистить или вытеснить из сознания вообще, оно превращается в то, что болит, — в большую память общества. Когда еще не пережитое и не до конца осознанное уже пытаются насильственно отсечь и преуспевают в этом, появляется и постоянно усиливается смутная боль, сводящая иногда людей с ума именно своей неопределенностью, таинственностью. Болезнь эта в медицинских терминах называется амнезией, на языке эпоса, по Чингизу Айтматову, — манкуртством, а на языке социологии общество, лишенное исторической памяти, — это общество, не способное вписаться в определенную традицию и, следовательно, не способное воспринимать себя адекватно. Другими словами — это еще не общество, а пока только население, лишенное идентичности.